

Иванова Мария Александровна

кандидат исторических наук,
начальник информационного отдела учреждения
«Колокольный центр»
тел.: (495) 672-28-35

ЦЕРКОВНЫЙ ЗВОН В ИСТОРИИ СВЯТОЙ ГОРЫ АФОН НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Аннотация:

Статья посвящена становлению традиции церковного звона в обителях Святой Горы Афон на рубеже XIX–XX в. На основе материалов путевых источников в статье рассмотрены историко-культурное значение и символическое освящение колокольных звонов в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре.

Ключевые слова:

Афон, церковный призыв, ударение, било, колокол, звон, звуковая регламентация.

Ivanova Maria Alexandrovna

PhD in History,
Head of the Informational Department of
the Bell Center Enterprise
tel.: (495) 672-28-35

THE CHURCH PEAL IN THE MOUNT ATHOS HISTORY OF THE TURN OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The summary:

The article is dedicated to the evolvement of the church peal tradition at the Mount Athos cenobies at the turn of 19–20th centuries. Based on the pilgrimage chronicles the author considers historical and cultural significance and symbolic consecrating of peal of bells in Russian St. Pantaleon's monastery.

Keywords:

Athos, church call, striking, bellan, bell, peal, chime, sound regulation.

На Афоне сохраняется наследие десяти веков: памятники монументальной архитектуры и иконописи, образцы уникальных богослужебных обычаев и пения. В этом же ряду достойное место занимает святогорская традиция церковного звона, которая до недавнего времени оставалась неизвестной и почти неизученной.

В обширной литературе, посвященной истории Афона, особенности призыва никогда не рассматривались в рамках литургического и исторического исследования. Вместе с тем именно на колоколах и звонах отражались периоды расцвета и упадка, духовного благополучия и нестроения святогорских монастырей.

Основной целью настоящей статьи является процесс становления традиции церковного призыва на Афоне к началу XX в. В этом плане решаются следующие исследовательские задачи: 1) выявление истоков и условий формирования традиции призыва в обителях Афона; 2) иллюстрация значимых событий в жизни русского Свято-Пантелеимонова монастыря на рубеже XIX–XX вв., сопровождавшихся колокольными звонами; 3) определение характера и степени влияния русской традиции звона на святогорские обычаи призыва.

Правила подачи звуковых сигналов на богослужение, трапезу и встречу почетных гостей берут свое начало в пустынном житии коптских обителей с середины IV в. [1, с. 82]. Наиболее древней формой призыва являлось ударение – способ звуковой регламентации монастырской жизни посредством поочередных ударов колотушкой по деревянному или металлическому брусу. Восточно-христианский образ церковного призыва был усвоен в первоначальных обителях Святой Горы.

Особое влияние на формирование обычаев ударения на Афоне оказали две традиции: палестинская и студийская (византийская) [2, с. 65]. Появление палестинской традиции было связано с заселением в VII в. полуострова монахами, покинувшими земли, завоеванными арабами. Студийские обычаи были принесены иноками в период иконоборческих гонений VIII в.

В 680 г. император Константин Погонат своим хрисовулом (указом) отвел для жительства изгнанников уединенный Афонский полуостров и тем же указом закрепил за монахами право вечного владения Святой Афонской Горой. Поэтому и Богослужение на Афоне до X в. совершалось по различным скитским уставам, принятым у палестинских отшельников. Такой порядок сохранялся еще долгое время после основания первых монастырей [3, с. 241].

Первые пустынники жили изолированно друг от друга, чему способствовали топографические особенности Святой Горы. С течением времени суровая жизнь анахоретов приобрела более сложную форму «каливитства», переместившись из землянок и пещер в каливы – скромные жилища на двух-трех монахов. По словам еп. Порфирия (Успенского), такие общины представляли собой «одноэтажный дом с тремя-четырьмя комнатками, с келейной церквикою человек на шесть и с кладовой в башенке: вот такой дом и есть первобытный монастырь афонский, без ограды,

без двора, без колокольни» [4, т. 1, с. 338]. В этих условиях довольно сложно предположить существование каких-либо средств удара, призывавших на общие собрания братии.

Значительным шагом в деле создания монашеских объединений считается появление в IX в. на Афоне особого «лавриотского» типа пустынночества. В целях взаимопомощи многие монахи строили свои келии вблизи друг от друга, создавая тем самым единое пространство полупустынноческой жизни. В лавриотском образе жизни начинают проявляться начала дисциплины и регламентации повседневной жизни. Иноки собирались вместе только на молитву, однако жили раздельно, не имея никаких монастырских построек. Возможно, именно в лаврах появляются первые сигнальные средства, оповещавшие о собрании иноков на молитву. Вероятнее всего таким средством призыва являлось деревянное било (древо), расположенное на простейшей деревянной конструкции.

Важнейшее событие в ходе развития основ звуковой регламентации на Святой Горе произошло в 60-х гг. X в., когда преп. Афанасий Афонский основал первый общежительный монастырь, названный впоследствии Великой Лаврой. Свой подвиг на Святой Горе св. Афанасий начал в келье одного пустычника в области Зиг, затем пребывал в карейской анахоретской келье. Слава о его высокой подвижнической жизни быстро распространилась среди афонских исихастов, привлекая в Карею монахов, желавших от него наставничества.

В 961 г. при помощи военачальника и будущего императора Никифора II Фоки преп. Афанасий предпринял попытку создания собственного монастыря, который первоначально замыслился как лавра. Монастырь представлял собой особую пространственную структуру, которая затем стала на Афоне образцом для подражания. Согласно проекту монастырь должен был объединить пять келий, удаленных друг от друга на некоторое расстояние. По воскресным дням монахи собирались на совместную молитву и трапезу. Однако в таком виде монастырь просуществовал недолго. Обрастая все новыми кельями, он через некоторое время представлял собой совершенно необычную на Афоне постройку, напоминающее типичное монастырское здание [5, с. 148].

Трансформация пространства монастыря во многом обусловила перемену внутреннего уклада жизни иноков, что привело к введению на Святой Горе единого устава, известного как Завещание или «Диатипосис» Афанасия Афонского. Диатипосис явился переработкой краткого устава-Начертания, составленного в IX в. в константинопольской обители Федора Студита (759–826), основоположника Студийского устава [6, с. 223].

Выдающимся событием в ходе формирования афонской традиции церковного призыва была замена в XIII в. Студийского устава на Иерусалимский, истоки которого берут свое начало в палестинской лавре преп. Саввы Освященного (VI в.). В это время на Афоне, в связи с трагическими событиями нашествия крестоносцев 1204 г., появилось множество принесенных сюда из балканских, малоазийских и палестинских монастырей списков Иерусалимского Устава [7, т. 4, с. 133]. Именно в этот период на Святой Горе появляются общие для всех обителей разработанные правила церковного призыва, отраженные в многочисленных рукописных Уставах. Предположительно с XVI в. в святогорских обителях начинается активное строительство отдельных сооружений-колоколен, где наряду с деревянными и металлическими билами располагались небольшие колокола.

Во второй половине XIX в. значительно усилился интерес к Афону со стороны России, самой сильной православной державы. Число русских монахов на Святой Горе стремительно росло, чему способствовала щедрая материальная и дипломатическая поддержка России. Благодаря русскому присутствию на Афоне в большом количестве жертвовались колокола, оснащались и строились звонницы, передавался русский стиль колокольного искусства.

Многочисленные публикации, посвященные описанию чинов церковного призыва на Афоне в период XIX – начала XX в. сохранились в очерках и наблюдениях русских паломников. Путевые источники этого времени свидетельствуют о взаимодействии и взаимопроникновении традиций восточно-христианского удара и русского колокольного звона. Именно в единстве двух традиций святогорский звон является особым пространством культурно-исторического диалога России и Афона. Об этом неоднократно упоминалось в письмах иером. Сергия (Веснина) Святогорца и схиигумена Парфения (Агеева), относящихся к 40-м годам XIX в. [8, с. 114].

Так, во второй половине XIX в. в обитель св. Пантелеимона московским купцом Ф. Набилковым были пожертвованы три колокола, вес самого большого Благовестника составлял 35 пудов 32 фунта. По прибытии колокола были перенесены с корабля на берег и поставлены на площади обители. Это событие вызвало ликование насельников монастыря и недоумение греков по поводу подъема больших колоколов и размещения их на колокольне. Причина этого недоумения была вызвана тем, что на православном Востоке ударяли не языком в неподвижный колокол, а движением «колокола в язык». Для этого в уши колокола продевали специаль-

ный шест или коромысло, и, привязав на конце шеста (очепа) веревку, раскачивали колокол. «Неестественность» подобного способа звона заключалась в том, что звонарей на колокольне должно быть по числу колоколов. При больших размерах Благовестника звон осуществлялся сразу двумя или тремя звонарями. Именно поэтому «для греков казалось дивным и чрезвычайно трудным звонить в великана, присланного из России» [9, с. 123].

Первый звон, исполненный на Троицкую родительскую субботу в русском стиле, вызвал удивление и потрясение греческой монашеской братии. По меткому замечанию иером. Сергия Святогорца, день родительской субботы преобразился в «пасхальный день», поскольку «звон не умолкал до самой вечерни» [10, с. 115]. Это событие привлекло не только братию, но чрезвычайно заинтересовало «маститого игумена обители» [11, с. 115]. После пожертвования московским купцом колоколов «звонить стали по-русски, чему вся Святая Гора Афонская стала удивляться» [12, с. 123].

Помимо трех колоколов купца Набилкина, монастырю были подарены еще несколько «порядочных» колоколов из России, которые размещались на трехэтажной колокольне с куполом и золотым крестом [13, с. 123].

Знаменательным событием в 1894 г. явилось пожертвование в обитель св. Пантелеимона благовестника, весом в 818 пудов, отлитого на заводе Андрея Дмитриевича Самгина. Это был «величайший» на всем православном Востоке колокол, звучание которого было слышно по всему берегу Святой Горы [14, с. 55].

Во второй половине XIX в. государыня императрица Мария Александровна пожертвовала для Андреевского скита колокол весом в 333 пуда 33 фунта, отлитый в г. Слободском Вятской губернии на заводе Бакулевых. Колокол был украшен двуглавым позолоченным орлом [15, с. 28]. По убеждению многих, равного по чистоте и силе звучания не было на всей Святой Горе. Всего на колокольне Андреевского скита размещались 20 колоколов [16, с. 51]. «Порядочные» по размеру колокола, больше которых не было «во всей Святой Горе», имелись также и в скиту Илии Пророка [17, с. 72].

Удивительна судьба колокола из келлии свт. Иоанна Златоуста, приписанной к Афоно-Иверскому монастырю. В начале XX в. в келлии подвизалось братство, которое возглавлял схимонах Константин (Семерников).

О. Константин (в миру – Конон Семерников) родился в 1842 г. в казачьей станице Кочетковской и, как большинство казаков, двадцать лет отдал военной службе. Участвовал во многих сражениях, но особенно прославился в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За героизм и отвагу был награжден несколькими боевыми орденами и медалями, что давало ему большие привилегии на военной или государственной службе. Вскоре он уехал на Афон и принял постриг в Иверском монастыре, отдав все свои сбережения на устройство обители. В начале русско-японской войны, о. Константин, собрав санитарный отряд из 53 монахов, едет на фронт. За заслуги перед отечеством был награжден медалью на Георгиевской ленте.

В 1906 г. в Царском Селе монах-ветеран был представлен Их Величествам Государю Императору и Государыне Императрице Александре Федоровне как организатор афонской монашеской санитарной дружины. На приеме Государь Император в лице схимонаха Константина выразил благодарность всем монахам обители, отправившихся на войну в качестве санитаров. Эта встреча имела продолжение. Рассказ отважного инока-воина запомнился юному цесаревичу Алексею, и он отправил на Афон, в Златоустовскую обитель, подарок – колокол весом в 25 пудов [18, с. 275–276].

Несмотря на повсеместное распространение колоколов на Афоне вплоть до XX в. некоторые обители придерживались исключительно традиции удара в била. Одним из таких монастырей был Есфигмен, где на будничные, постовые и праздничные службы призывали мерными ударами ручного древа и чугунной пластины [19, с. 13]. На вершине Святой Горы недалеко от церкви Преображения Господня находилось железное клепало, с ярким «гулким» звучанием [20, с. 109].

На рубеже XIX–XX вв. отмечался небывалый рост паломнических посещений Афона самими влиятельными лицами Российского Государства, приезд которых был ознаменован мощным звучанием бил и колоколов. Так, в 1845 г. в Свято-Пантелеимоновой обители прибытие российского царевича, великого князя Константина Николаевича было ознаменовано звоном всех «доброгласных» колоколов [21, с. 318–319].

Вместе с тем колокольным звоном встречали и обычных паломников. Во второй половине XIX в. одна высокообразованная дама специально наняла турецкий пароход «Victoria», чтобы повидаться с сыном, который подвизался в числе послушников русского монастыря. Вместе с ней находились и другие русские женщины и русский вице-консул. На пароход были привезены мощи св. великомученика Пантелеймона, отслужен молебен с акафистом, совершена исповедь

и Таинство Причащения. Перед отправлением парохода, путешественник посетил игумен монастыря о. Макарий (Сушкин). На отбытие парохода, впервые в истории Афона женщин провожали звоном всех колоколов [22, с. 324].

Необыкновенным событием в жизни русского афонского монашества были молебны по случаю именин великокняжеских особ, избавления России от нашествий иноплеменников или избрания нового игумена монастыря. Так, в 1895 г. в обители св. Пантелеимона по окончании Литургии «со звоном и пением» был отслужен молебен святому Георгию и святой царице Александре, по случаю тезоименитства Государыни императрицы Александры Феодоровны [23, с. 101–102].

Небывалым величием отличалось празднование русскими иноками Нового года. После краткого благодарственного молебна при торжественном колокольном звоне и пением игумен в мантии отправляется в большой архондарик. В архондарике игумена с радостью встречали монахи, подходили под благословение и поздравляли с Новым годом. После этого полагалось праздничное угощение «по кофейной чашке битых волошских и миндальных орехов, перемешанных с изюмом и конфетами, и по стакану вина». Во время трапезы под колокольный звон русская братия пели: «Боже Царя храни». Вместе с ними Государя императора приветствовали также и греческие иноки [24, с. 85–86].

Нередким чрезвычайным событием в жизни обителей Святой Горы являлись пожары, происходившие, как правило, от свечной искры или от молнии. В случае появления грозовых туч над нивами и виноградниками начинался «протяжный звон», возможно, медленные удары большого колокола. Это был знак собрания братии монастыря на общую молитву, независимо от текущих дел и послушаний. Набатный звон продолжался до тех пор, пока гроза не отходила в сторону. Так, в ночь с 6 на 7 августа 1887 г. во время торжественной утренней службы под праздник святого Митрофания Воронежского, около трех часов ночи «над алтарем храма Покрова Пресвятой Богородицы от неизвестных причин загорелась нижняя комната. Пламя через слуховое окно под крышей быстро пробилось наружу и зловеще освятило весь монастырь» [25, с. 188]. Появление пожара сразу же возвестили частыми ударами набата. Несмотря на смертельную усталость после горячих молитв и мучительной борьбы с пожаром, игумен Макарий дал распоряжение о служении праздничной Литургии. Звон в этот день отличался пасхальным торжеством: «старец-монах опытною рукою на ручном биле пробил повестку, искусный звонарь ударил «во вся тяжкая» по случаю храмового праздника, и посреди шума и суеты началась обычная монастырская жизнь» [26, с. 321–322].

Немало паломнических свидетельств было проникнуто болью по поводу кончины выдающихся подвижников Афона, которых в последний путь провожали погребальными звонами. С особой скорбью исследователь повествовал о последних днях, кончине и погребении игумена Свято-Пантелеимонова монастыря о. Макария. Событие погребения сопровождалось скорбным «перезвоном колоколов» [27, с. 336].

Исследования путевых паломнических материалов привели к впечатляющим открытиям о том, с каким благоговением на протяжении веков монахи выстраивали схемы удара в била и колокола, как сдержанно и трепетно подходили к исполнению звонов. Для святогорцев звон всегда являлся особым священнодействием, совершаемым в согласии с Богослужением и сердцами молящихся. Именно на Афоне церковный призыв отражал величие Праздника, покаянные мгновения Поста, сопровождал монашеский постриг, служение братии и переход иноков в Вечность.

И по сей день Святая Гора является единственным местом, где церковное византийское наследие, в том числе и духовные основы призыва, сохранилось в неприкосновенности. По выражению петербургского историка М.Г. Талалая: «Афон не место – это путь. Он не имеет обычного, географического измерения: путешественник тут перемещается в иных координатах, даже временных. На этом полуострове до сих пор живет Византия, не покоренная ни крестоносцами, ни турками, ни постхристианской Европой» [28, с. 16]. В истории святогорских звонов это путь преобразования: от простейших правил удара в била к будничным, праздничным и постовым схемам звуковой регламентации, от нескольких деревянных бил до многообразия средств церковного призыва, от кратких указаний подачи сигнала до символического истолкования бил и колоколов как священного «духовного органа».

Дальнейшее изучение святогорской традиции церковного призыва в указанный период может способствовать пониманию уникальности звона, как знакового явления в исторических и духовных судьбах Святой Горы, а также и России. А это, в свою очередь, представляет не только научно-теоретическую, но и реально практическую пользу в деле возрождения уставных звонов в русских обителях и храмах.

Ссылки:

1. Хосроев А.Л. Пахомий Великий: из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб., 2004.
2. Мансветов И.Д. Церковный Устав (Типик). Его образование и судьба в Греческой и в Русской Церкви. М., 1885.
3. Успенский Н.Д. Православная вечерня: историко-литургический очерк. М., 2004.
4. Порфирий (Успенский), еп. История Афона. М., 2007.
5. Марченко А.Н. Становление и эволюция славянских монастырей на Святой Горе Афон в X–XII вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1999.
6. Мансветов И.Д. Указ. соч.
7. Православная энциклопедия. М., 2002.
8. Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 1895.
9. Парфений (Агеев), инок. Странствие по Афону и Святой Земле. М., 2008.
10. Письма Святогорца...
11. Там же.
12. Парфений (Агеев), инок. Указ. соч.
13. Там же.
14. Дневник путешественника в Иерусалим и на Афон в 1895 году Н.Д. Пузанова. М., 1897.
15. Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.
16. Там же.
17. Парфений (Агеев), инок. Указ. соч.
18. Горохов В.А. Колокола земли Русской. М., 2009.
19. Благовещенский Н.А. Афон. СПб., 1864.
20. Парфений (Агеев), инок. Указ. соч.
21. Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. СПб., 1895.
22. Там же.
23. Дневник путешественника...
24. Там же.
25. Письма Святогорца. Указ. соч.
26. Дмитриевский А.А. Указ. соч.
27. Там же.
28. Талалай М.Г. Русский Афон. М., 2009.

References (transliterated):

1. Khosroev A.L. Pakhomiy Velikiy: iz ranney istorii obshchezhitel'nogo monashestva v Egipte. SPb., 2004.
2. Mansvetov I.D. Tserkovniy Ustav (Tipik). Ego obrazovanie i sud'ba v Grecheskoy i v Russkoy Tserkvi. M., 1885.
3. Uspenskiy N.D. Pravoslavnaya vechernya: istoriko-liturgicheskiy ocherk. M., 2004.
4. Porfiriy (Uspenskiy), ep. Istoriya Afona. M., 2007.
5. Marchenko A.N. Stanovlenie i evolyutsiya slavyanskikh monastyrey na Svyatoy Gore Afon v X–XII vv.: diss. ... kand. ist. nauk. Perm', 1999.
6. Mansvetov I.D. Op. cit.
7. Pravoslavnaya entsiklopediya. M., 2002.
8. Pis'ma Svyatogortsa k druz'yam svoim o Svyatoy Gore Afonskoy. M., 1895.
9. Parfeniy (Ageev), inok. Stranstvie po Afonu i Svyatoy Zemle. M., 2008.
10. Pis'ma Svyatogortsa...
11. Ibid.
12. Parfeniy (Ageev), inok. Op. cit.
13. Ibid.
14. Dnevnik puteshhestvennika v Ierusalim i na Afon v 1895 godu N.D. Puzanova. M., 1897.
15. Troitskiy P. Istoriya russkikh obiteley Afona v XIX–XX vekakh. M., 2009.
16. Ibid.
17. Parfeniy (Ageev), inok. Op. cit.
18. Gorokhov V.A. Kolokola zemli Russkoy. M., 2009.
19. Blagoveshchenskiy N.A. Afon. SPb., 1864.
20. Parfeniy (Ageev), inok. Op. cit.
21. Dmitrievskiy A.A. Russkie na Afone. SPb., 1895.
22. Ibid.
23. Dnevnik puteshhestvennika...
24. Ibid.
25. Pis'ma Svyatogortsa. Op. cit.
26. Dmitrievskiy A.A. Op. cit.
27. Ibid.
28. Talalay M.G. Russkiy Afon. M., 2009.